





Сергей САМАРОВ

МОЛЧАНИЕ СОЛДАТ



Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Молчание солдат / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2017. — 352 с. — (Спецназ ГРУ. Ударная группа).

ISBN 978-5-699-94066-0

Что может быть удобнее для командира, чем молчаливый солдат-зомби, готовый выполнить любой приказ? С помощью магического средства древних колдунов, именуемого «поцелуй двузуба», можно создать целую армию послушных биороботов. Волей случая обладателем этого средства оказался известный полевой командир Руслан Имамов. Однако использовать чудовищное «ноу-хау» в войне он не намерен. Тем не менее отряд спецназа ГРУ полковника Согрина ведет преследование чеченской банды. Ведь влиятельные зарубежные силы, которых представляет на Кавказе сотрудник ЦРУ Пол Маккинрой, не пожалеют денег, чтобы получить в свои руки столь грозное оружие. И вот среди заснеженных вершин и ледников горной Чечни разворачивается отчаянная схватка, финал которой предсказать не возьмется никто...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-699-94066-0

© Самаров С., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017



ПРОЛОГ

1

Гаити. 1990 год.

Достаточно низко над морем, непривычно низко и с большой скоростью, словно сильные птицы, несутся три светлых призрачных облачка. Чуть в стороне и выше летит еще одно, но не такое стремительное, движется почти в темпе океанской волны, и при этом выбрало совсем другое направление на перекрестке небесных дорог.

— Мы здесь со дня на день ждем урагана... — доктор Нганга, покачиваясь в тростниковом кресле-качалке на веранде собственного большого белого дома, смотрит на море и из высокого мутно-белого стакана пьет холодный чай с замороженным соком грейпфрута. Белый стакан на ярком солнце резко контрастирует с черной кожей доктора. Как у всех негров, ладони у него не черные, а розовые, но этого не видно, потому что мутное стекло внутреннюю сторону руки закрывает.

— Да... Ураган... Это неприятно... — говорит его собеседник, высокий и еще молодой, в сравнении с пожилым доктором, светловолосый человек с маленькими, близко посаженными внешне подслеповатыми глазами. Эффект подслеповатости возникает от привычки часто моргать и вовсе не говорит о слабости зрения. — Это беда. Последний здесь прошелся, кажется, лет восемь назад. Я помню трагические сообщения, было много жертв...

— Девять. Девять лет назад очень большой ураган был. Я тогда понес большие убытки, и пришлось начинать жизнь, по сути дела, заново. И внук у меня погиб... Старший. Потом и другие ураганы были. В наших местах без них не обходится и го́да, но эти послабее. Больше пугают, чем крушат. А поломанные деревья не в счет...

Собеседник согласно кивает.

— Кстати, я вчера в посольстве смотрел карту космической съемки. Ураган движется по непонятной траектории. Какую-то замысловатую, сложную спираль рисует. Уже основательно переворошил Бермуды — дважды туда заглядывал, оттуда к Флориде направился, но свернул у самого Майами и прогулялся по северному кубинскому побережью. По прогнозу, он до нас, скорее всего, не дойдет, спираль должна закрутиться на новый виток...

— Я сегодня звонил министру сельского хозяйства, — не соглашается доктор Нганга. — В министерстве говорят, что краешком нас все же хорошенько саданет. Как раз южную оконечность острова, где мы с вами сейчас находимся...

— Вы предлагаете мне уехать, не завершив дела? — Гость насмешливо поднимает белесые брови. — А вы останетесь здесь?

— Может быть. Временно... Вам, мистер Маккинрой, возможно, следует перебраться куда-то в глубь острова, там спокойнее. Я же предпочитаю остаться дома и здесь переждать. Уедешь, поверьте мне, от дома ничего не останется. Такой народ. Все растащат. Не говоря уже о том, что после урагана необходимо будет распорядиться о сборе кокосов на плантации. Иначе и их унесут вместе с остатками пальм. Пальмы-то уж точно все переломает...

— А эти... Ваши «уроды»? Вы же можете им приказать охранять дом. Они-то никого сюда не подпустят...

— Мои «уроды» будут делать то, что им прикажут. Беда всех «уродов» в том, что они не одного хозяина слушаются, а всех, кто с ними разговаривает. Слушаются, повторяю, безоговорочно и выполняют все тоже безоговорочно. Каждый новый приказ выбивает из памяти предыдущий...

— Да, — соглашается Пол. — Это плохо. И никак нельзя оградить их от чужого влияния?

— Никак. Они просто не могут послушаться. Если им прикажут в мое отсутствие разломать дом по дощечке, они его разломают. Даже если прикажет незнакомый человек. И соберут все кокосы с земли. Более того, даже в ящики уложат, загрузят в грузовик и отправят, как им будет велено... За всем нужен хозяйский глаз. Кокосовая плантация — мое единственное средство к существованию.

Доктор Нганга лениво поднимается и подходит к холодильнику, установленному здесь же, на веранде. Наливает в стакан новую порцию охлажденного чая и добавляет кусочки грейпфрутового льда. В воздухе стоит влажная липкая духота, и доктор спасается от нее только чаем.

В руке у Маккинроя бутылка пива. Как всякий американец, он предпочитает в такую погоду ледяное пиво. Но Пол никогда не пьет его в таких количествах, в каких хозяин дома пьет чай.

— А когда приедет ваш ньянга¹?

— Я послал ему вежливое приглашение по электронной почте. Кто знает, как часто он выходит в Интернет. И только он сам решает, когда ему появиться...

¹ Ньянга — на многих африканских наречиях так зовут колдуна. Среди гаитян, потомков рабов, вывезенных с Африканского континента, это название сохранилось, как и многие другие обычаи далекой заокеанской родины.

— По электронной почте? В Интернет?

— Да... Колдуны не пренебрегают компьютером. Наш ньянга окончил университет в Бостоне и человек почти цивилизованный. Имеет, как и я, докторскую степень. Только я — доктор экономики, а он — доктор психологии.

— Это даже интереснее, чем я предполагал. Но уже пора бы ему, говоря честно, и вежливость цивилизованного человека проявить. Третий день жду. А если я уеду, испугавшись урагана, а он появится?

Доктор в ответ только плечами пожимает.

— Думаю, в следующий раз пригласить его будет труднее. В следующий раз он может просто проигнорировать мои аргументы. Несмотря на схожесть звучания моего имени и его профессии. Ньянга — люди непредсказуемые. Говорят, что они не совсем люди...

— А ураган?

Доктор усмехается.

— Честно говоря, вам уезжать не следовало бы. Это я просто из вежливости предупредил. Долг исполнил. Ураган — это самое подходящее время для появления колдуна. Все ньянга любят эффекты. Все мы, африканцы, любим эффекты, а для ньянга они являются атрибутом профессии.

* * *

Ньянга не приезжает, а приходит пешком перед закатом солнца.

Маккинрой как раз рассматривает кроваво-розовые полосы облаков на горизонте — предвестники завтрашней непогоды, а возможно, и приход того самого урагана, которого со страхом ждет весь остров. Красный закат всегда и во всех краях земного шара предвещает ветер. И на Гаити хорошо понимают, что, если ветер идет с запа-

да, оттуда, где сейчас кружит над Карибским морем ураган, это не сделает настроение радужным.

Доктор Нганга в это время уходит по зову телефонного звонка в дом. А этот человек с раскрашенным лицом и весь увешанный амулетами появляется со стороны ворот, невидимых с веранды, и сразу направляется по боковой аллее, посыпанной красным гравием, к Маккинрою.

Маккинрой слышит шаги и оборачивается. Рассматривает пришельца с любопытством, а тот, в свою очередь, рассматривает его. И удовлетворенно фыркает, как старый буйвол, вдосталь напившийся грязной воды из лужи.

— Вы что-то хотите? — спрашивает Маккинрой, не уверенный еще, что это пришел человек, которого он устал ждать, но надеющийся именно на это — слишком странно и даже для Гаити непривычно выглядит пришелец. Спрашивает и по привычке часто моргает. Это ошибочно делает выражение его лица неуверенным.

— Это ты хочешь, думаю я. Власти, конечно. Белые люди всегда рвутся к власти. И все твои желания направлены только на это... Даже маленькие желания. Как сегодняшнее. То самое, что привело меня сюда... — Язык пришельца — почти хороший английский. Голос хриплый, с многочисленными трещинками и оттого слегка вибрирующий.

На голос выходит из дома доктор Нганга. И стремительно спускается на аллею, чтобы поприветствовать нового гостя. Они говорят на каком-то непонятном наречии, и Маккинрой улавливает только отдельные слова. Он знает много языков, в том числе даже такие экзотические, как суахили¹. Но сейчас разговор двух негров ведется на странной смеси английского и французского, суахили и

¹ Суахили — самый распространенный в Африке язык.

еще какого-то непонятного гортанного языка, скорее всего, вымершего карибского¹. Маккинрою перед поездкой сюда говорили, что на Гаити еще говорят иногда на каком-то странном местном негритянском наречии, непонятном для белого человека.

Доктор Нганга под руку вводит ньянгу на веранду. Очень уважительно вводит. Почти поддерживает, чтобы гость не оступился. Ньянга поворачивается к Маккинрою.

— Ты сегодня должен уехать. Машину заправь полностью. Тебе не скоро придется снова заправлять ее... — сразу и решительно говорит колдун, уставив палец в грудь американцу.

— Куда уехать?

— Лучше в Порт-о-Пренс.

— Там сейчас беспорядки. Машину разобьют. Еще и сожгут... Ваши соотечественники любят беспорядки. Они их веселят...

— Туда вчера ввели войска ООН. Если не хочешь в столицу, поезжай в Доменику².

— Еще не легче...

— А ты можешь не уезжать, — добавляет ньянга, обращившись к Нганге. — Ты все равно погибнешь в ураган. Здесь ли... В другом ли месте... Я потому и поспешил. Я тебя похороню. Ты был хорошим человеком и не очень злым...

¹ Индейцы карибы (карибу), воины и разбойники, населявшие побережье и острова в момент прибытия Колумба в Америку, полностью вымерли, не приняв рабство, на которое их обрекли белые завоеватели. После них остался только язык, составной частью входящий во многие языки островитян.

² Доменика (*местн.*) — Доминиканская Республика. Граничит с Гаити, занимает две трети острова Гаити (Эспаньола), тогда как Гаити занимает только треть.

Маккинрой с любопытством наблюдает реакцию хозяина дома.

Доктор Нганга, несмотря на основательную черноту своей кожи, не бледнеет, а сереет от обращения к нему в прошедшем времени. Но удивительно быстро смиряется с судьбой, не решаясь бороться за жизнь, если ньянга уже предрек ему смерть. Только голову склоняет в почти светском поклоне. И ни минуты не сомневается в предрешенности своей судьбы.

— А теперь оставь нас, — продолжает колдун.

Доктор Нганга уходит торопливо, на ходу полуоборачиваясь через плечо, словно надеясь еще что-то услышать от колдуна. Но тот занят белым человеком.

— Ты приехал за средством...

— Ты знаешь?

— Я все знаю... Я бы мог убить тебя только за это желание, но мне будут нужны деньги после урагана. Слишком нужны будут, потому что я знаю его последствия. Плати десять тысяч американских долларов, забирай и уезжай как можно быстрее. Пока я не передумал...

Ньянга вытаскивает из-за пояса маленький пузырек. На дне его, чуть-чуть прикрывая поверхность, засохло какое-то черное смолистое вещество. Колдун объясняет:

— Это ставится в кипящую воду. Десять минут греется, потом сюда опускается острие...

— Острие чего? — не понимает Маккинрой.

— Любое острие... То самое острие, что оцарапает человека, хозяином которого ты хочешь быть. Человек умрет и воскреснет через трое суток. Ровно через трое суток. Через семьдесят два часа. Он весь воскреснет. Только ум его останется мертв... Ты станешь хозяином. Человек будет выполнять все, что ты прикажешь...

— Как долго острие остается опасным?

— Несколько человеческих жизней. Смола почти не испаряется...

— Это хорошо. А как же... Танцы, бой барабанов, скопление людей? Я слышал...

Ньянга усмехается, как может усмехаться человек, имеющий докторское звание, над предрассудками, собственными темному люду.

— Это только ритуал. Он нужен только ньянга, чтобы люди больше в него верили. Ты же не собираешься стать ньянга... Все. Уходи...

— Я хотел бы попрощаться с доктором Нганга...

— Это необязательно. Доктор сейчас оплакивает свою смерть... Уходи. Уезжай.

Маккинрой вытаскивает из кармана чековую книжку и торопливо выписывает чек.

— Если обманешь, — получив в руки сиреневую бумажку, помахивает ею ньянга, — один из «уродов» найдет тебя и убьет. Это не шутка...

Он торопливо убирает чек за пояс.

«Если б ты был в самом деле провидец, — с усмешкой думает про себя американец, — ты бы знал, что мне в тридцать тысяч баксов обошлась операция, заставившая тебя искать деньги... И не надо говорить мне про ураган. Ураган здесь ни при чем. И не надо убеждать меня, что ты видишь насквозь все мои желания и стремления. Ты просто психолог. Плохой психолог, пригодный только для работы со своими соотечественниками. Пусть доктор Нганга верит тебе и готовится к смерти. Ты уже всем рассказал, что идешь хоронить его, потому что никому не расскажешь, что дал мне снадобье... И ты убьешь доктора, чтобы ничего не сказал и он, и чтобы твое предсказание сбылось, и люди больше в тебя верили. Ты убьешь его во время урагана... Видишь, я лучший предсказатель, чем ты...»

Колумбия. 1991 год.

Москиты пищат так громко, что приходится повышать голос, иначе тебя просто не услышат. Но ничего не поде-лаешь — сезон такой... Впрочем, дон Хорхе Энрике давно привык не обращать внимания на москитов. Кусают, ну и пусть кусают. Главное, не чесаться, и зуд проходит бы-стро.

— Сколько таких «уродов» обещает поставить нам твой знакомый?

— Он может сделать их столько, сколько нам понадо-бится, — отвечает довольный Бальтазар. — Предлагает за год подготовить хоть сотню. Правда, предупреждает, что они непригодны для использования в качестве солдат, по-тому что лишены инстинкта самосохранения.

— Ну и пусть. Ни один солдат, я думаю, не заработает для нас столько, сколько эти «уроды». Солдатам надо хо-рошо платить, тогда они хорошо служат. А этих только слегка подкармливать. Я доволен. Меня интересует цена.

— По тысяче долларов за человека.

У дона Энрике вопросительно поднимаются брови.

— Только и всего-то? Бизнес, прямо скажем, неболь-шой... — Он морщится слегка презрительно. Сам он не ведет переговоры с людьми, которые занимаются таким мелким бизнесом. Это все равно что самому покупать продукты, когда в доме есть отвечающие за это слуги. Но при этом дон Энрике понимает, какие деньги можно де-лать, обладая секретом гаитянских нянга. Однако если человек не умеет делать деньги даже тогда, когда они са-ми идут к нему в руки, если сам не понимает, какое богат-ство у него под носом вертится, то этого человека можно лишь пожалеть. И если представится возможность, сле-дует забрать у такого глупца строго охраняемый секрет.

— Ты человек опытный. Я знаю. И наверняка подумал, как отобрать у него яд?

Бальтазар от похвалы готов расплыться в довольной улыбке. Дон Энрике нечасто бывает щедрым на доброе слово.

— Он, конечно, глуповат, но осторожный. Даже слегка трусоват. Постоянно испуганно моргает и оглядывается. Я предлагал ему поработать у нас под защитой и сделать «уродов» из нашего «материала». Говорил, что деревень вокруг много, и в каждой деревне есть сильные парни, из которых получатся прекрасные работники... Я как раз подумал о том, что вы, дон Энрике, предлагаете.

— И что?

Бальтазар качает головой.

— Он не хочет. Мне кажется, он просто боится. И так без конца проверяет, не подслушивает ли кто под дверь. И предпочитает привозить нам «уродов» сюда. Но я подумаю, как прибрать этого парня к рукам. Я понимаю, как это необходимо. На будущей неделе он обещал привезти сразу десять штук, как я и заказал. В настоящих гробах... «Уроды» воскреснут у нас на глазах вечером, не раньше восьми часов, а до этого мы сумеем убедиться в том, что они абсолютно мертвы. Я всегда предпочитаю проверять людей, с которыми работаю... Вы сможете пригласить врача для освидетельствования?

— Для такого дела можно и врачу заплатить. И даже гостей можно пригласить на небольшой коктейль, как это делают янки. Просто любопытно. Прекрасно! Я доволен тобой! Сейчас я хочу рассмотреть поближе первого.

— Пожалуйста, дон Энрике. «Урод» сейчас как раз работает во дворе...

Они через кухню проходят из большого дома в фабричный двор. Дон Энрике даже с крыльца спускаться не

желает. Просто смотрит. Среди низкорослых колумбийских индейцев, распаковывающих тюки со свежей марихуаной, выделяется фигура немолодого великана негра с мощной мускулатурой.

— Позвать его? — спрашивает Бальтазар.

— Позови. Он безопасен?

— Безопаснее деревенской козы. У той, по крайней мере, есть рога. А у этого голова абсолютно пуста... Единственные принадлежности головы, которые ему нужны, — это уши, чтобы слышать команды, и глаза, чтобы не спотыкаться... Морган!

Негр медленно оборачивается, смотрит, откуда его зовут.

— Иди сюда! — командует Бальтазар.

Великан подходит.

— Видишь вон ту собаку... — показывает Бальтазар на облезлого пса, дремлющего в тени, прикрыв грязным хвостом нос от назойливых moskitov.

— Вижу, — отвечает негр без всякого выражения в лице и в голосе.

— Подойди к ней, поймай и укуси за ляжку. Но не сильно. Собака нам еще сгодится... — Бальтазар улыбается, довольный своей выдумкой.

Великан молча отправляется выполнять задание. В глазах его по-прежнему полная пустота. Он просто не умеет думать... Собака при приближении негра сначала поднимает голову, потом и сама неторопливо поднимается. Она чувствует угрозу от этого странного человека, не пахнущего, как другие, человеком. Но великан прыгает вперед быстро, ловит собаку, поднимает и в самом деле кусает. Слышится собачий визг и рычание. Собака в ответ умудряется укусить негра за локоть. Но он больше ее не держит. Просто отпускает и стоит на месте. Обиженная соба-